

СКАЗКА О ПЕТЕ толстом

РЕБЕНКЕ И О СИМЕ,

который ТОНКИЙ

ТЕКСТ
В. МАЯКОВСКОГО
РИСУНКИ
Н. КУПРЕЯНОВА

СКАЗКА О ПЕТЕ толстом

РЕБЕНКЕ **И О СИМЕ,**

который **ТОНКИЙ**

**ТЕКСТ
В. МАЯКОВСКОГО
РИСУНКИ
Н. КУПРЕЯНОВА**

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ

ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ

**СКАЗКА
О ПЕТЕ
ТОЛСТОМ РЕБЕНКЕ
И О СИМЕ
КОТОРЫЙ ТОНКИЙ**

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ

1925

СКАЗКА О ПЕТЕ,
ТОЛСТОМ РЕБЕНКЕ И
О СИМЕ, КОТОРЫЙ ТОНКИЙ

Жили были
Сима с Петей.
Сима с Петей
были дети.
Пете 5,
а Симе 7—
и 12 вместе всем.

1

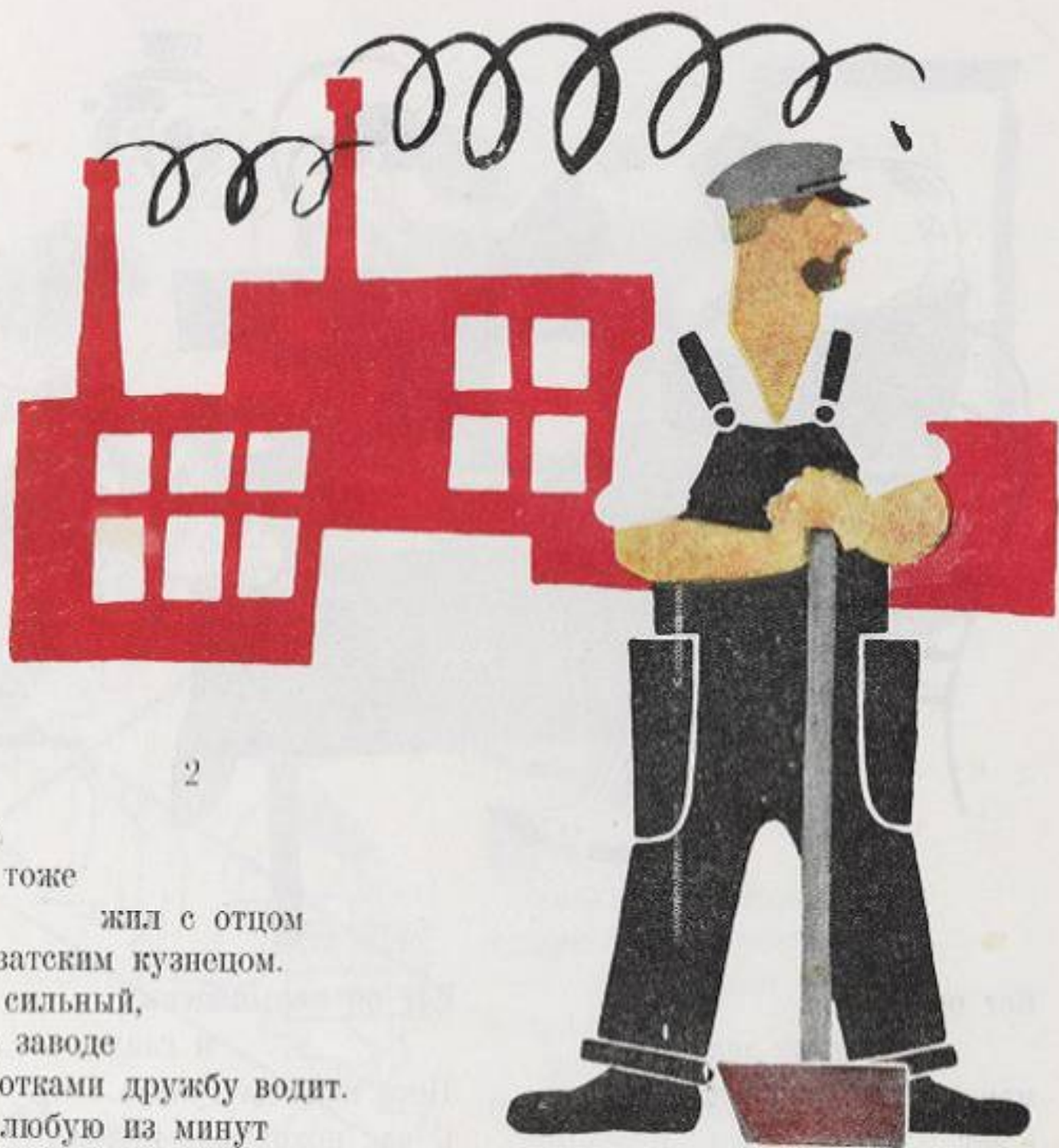
Петин папа
 был преважным:
 в доме жил пятиэтажном
 и, как важный господин,
 в целом доме
 жил один.
 Очень толстый,
 очень лысый,
 злее самой злющей крысы.
 В лавке сладью торговал,
 даром сладости не давал.
 Сам себе под вечер в дом
 его пакетов нес с трудом:
 а за папой
 друг за другом
 его корзины несет прислуга.

Ест он,
с Петею деля,
мармелад и кренделя.
С'ест
и ручкой маме машет:
„Положи еще, мамаша!“
Петя
взял
варенье в вазе,
прямо в вазу мордой лазит.
Грязен он, по-моему,
как ведро с помоями.

Ест он целый день,
и глядь,
Пете некогда гулять.
С час поковыряв в носу,
спит в двенадцатом часу.
Дрянь и Петя
и родители:
общий вид их отвратителен.
Ясно
даже и ежу,
этот Петя
был буржуй.

2

Сима

тоже

жил с отцом
залихватским кузнецом.
Папа сильный,
на заводе
с молотками дружбу водит.
Он в любую из минут
подымает пальцем пуд.
Папа явится под вечер,—
поздоровавшись для встречи,
скажет маме:

„Ну-ка,
щи
нам с товарищем тащи!“
Кашу с'ев
да щи с краюшкой,

пьют чай цветастой кружкой.
У рабочих денег нету.

Симе

в редкость есть конфету.
Но зато
она и слаще,
чем для Пети
целый ящик.

Чай попив—
 во весь опор
 Сима с папой
 мчат во двор.
 Симин папа
 всех умнее,—
 все на свете он умеет.
 Колесо нашел
 и рад,
 сделал Симе самокат.
 Сима тоже деловит:
 у него серьезный вид.
 Хоть рученки и тонки,
 трудится в перегонки.
 Из мешка
 на радость всем
 Сима сам смастачил шлем.
 Красную надев звезду,
 Сима всех сумел бы вздуть!

Да не хочет—
 не дерется!
 Друг ребячьего народца.
 Сима чистый.
 Чище мыла.
 Мылся сам,
 и мама мыла.
 Вид у Симы крепыша.
 Пышет, радостью дыша.
 Ровно в восемь
 Сима спит.
 Спит, как надо—
 не сопит.
 Птицы с песней пролетали,
 пели:—
 „Сима — пролетарий“.

 сима пролетарий!
 сима пролетарий
 сима пролетарий

Петя,

выйдя на балкончик,
жадно лопал сладкий пончик:
словно дождик по трубе,
льет варенье по губе.
Четверней лохматых ног
шел мохнатенький щенок.
Сел.

Глаза на Петю вскинул:
„Дай мне, Петя, половину!
При моем щенячьем росте
не угрызть мне толстой кости.
Я сильнее прочих блюд
эти пончики люблю.
Да никак не купишь их:
зарботков никаких“.
Но у Пети
грозный вид.
Отвернуться поровит.
Не упросишь этой злюни.
Щен сидит,
глотает слюни.

Невтерпеж,
поднялся,
скок,
впился в пончиковый бок.
Петя,
посинев от злости,
отшвырнул щенка за хвостик.
Нос
и четверо колен
об-земь в кровь расквасил щен.
Омочив слезами садик,
сел щенок на битый задик.
Изо всех щенячьих сил
нищий щен заголосил:

„Ну, и жизнь—
не пей, не жуй!
Обижает нас буржуй.
Выйди, зверь и птичка!
Накажи обидчика!“
Вдруг,

откуда ни возьмись,
сто ворон слетает вниз.
Весь оскаленный шакал
из-за леса пришагал.
За шакалом

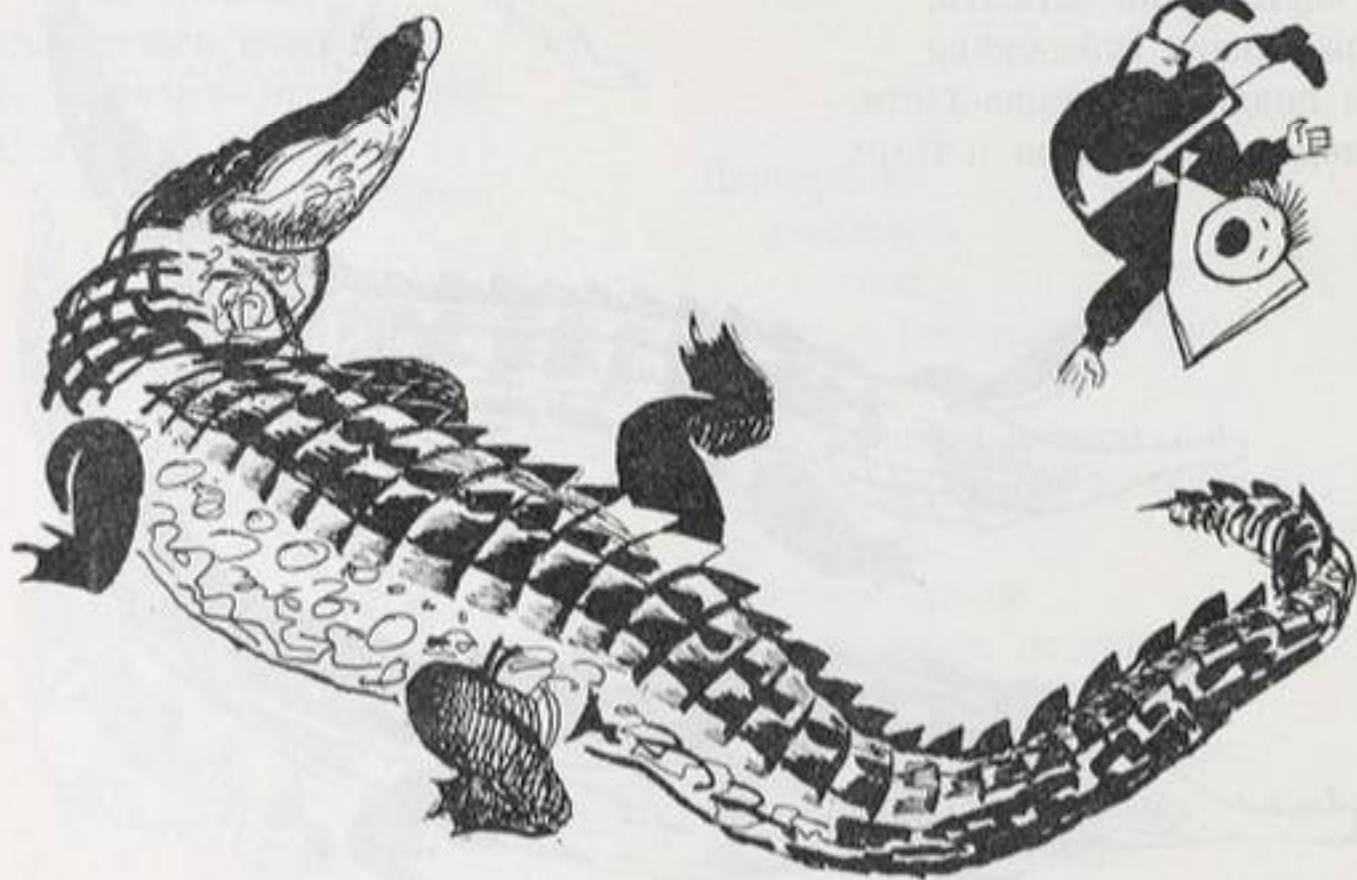
волочится
разужасная волчица.
А за ней,

на три вереты
распустив свои хвосты,
два огромных крокодила.
Как их мама уродила!?
Ощетинивши затылки,
выставляя зубы-вилки
и подняв хвосты-плети,—
подступают звери к Пете.

„Ах, жадаба!
                    ах ты, злюка!
уязви тебя гадюка!
Ах ты, злюка!
                    ах, жадаба!
чтоб тебя сожрала жаба!
Мы
                    тебя
                    сию минутку,
как поджаренную утку,
так с'едим
или иначе.
Угнетатель ты зверячий!“
И шакал,
                    как только мог,
хватать пузана
                    за пупок.

Тут
                    на Петю
                    понемногу
крокодил нацелил ногу
и брыкнул,
                    как футболист.
„Уходи!
                    Катись!
                    Вались!“
Плохо Пете.
                    Пете больно.
Петя мчит,
Как мяч футбольный.
Долетел
                    от пишек страшный
аж
                    до Сухаревой башни.

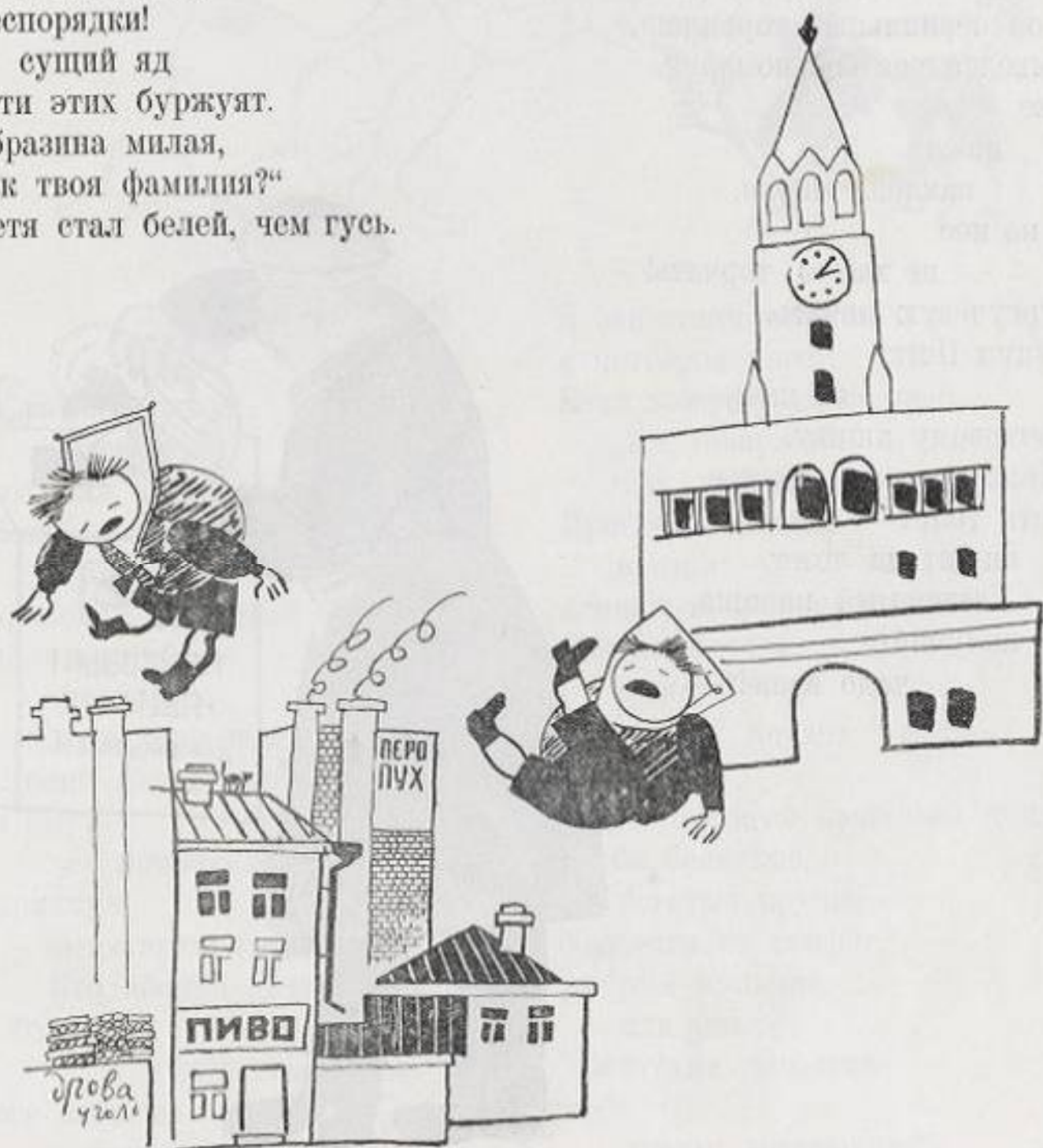

Для принятия строгих мер
к Пете милиционер.
Говорит он грозно Пете:
„Ты ж не на велосипеде?
Что ты скачешь, дрянный мальчик?
ты ведь мальчик,
а не мячик.

Беспорядки!
сущий яд
дети этих буржуют.
Образина милая,
как твоя фамилия?“
Петя стал белей, чем гусь.

„Петр Буржуйчиков зовусь.“
— „Где живешь,
мальчишка гадкий?“
— „На Собачьей
площадке“.

Собеседник Петю взял,
вчетверо перевязал,
затянул покрепче узел,
поплевал ему на пузо.
Грозно

вынул

страшный страж
свой чернильный карандаш.
Вывел адрес без пометки.
Две

на зад

наклеил марки,

а на нос

— не зря ж торчать! —
сургучевую печать.

Сунул Петю

за щеку

почтовому ящику.

Щелка узкая в железе.

Петя толст —

пищит да лезет.

— „Уважаемый панаша,
получайте

чадо ваше!“ —

4

Сказка сказкой,
а щенок
ковылял четверкой ног.
Ковылял щенок,
а мимо
проходил известный Сима,
получивший
от отца
что-то в роде леденца.
Щений голод видит Сима,
и ему
невыносимо.
Крикнул,
выпятивши грудь:
— Кто посмел щенка отдуть?
Объявляю
к общей гласности:
все щенята
в безопасности!

Я защитник слабого
и четверолапного“.
Взял конфету из-за щек:
— „На, товарищ!
ешь, щенок!“
Проглотил щенок
и стал
кланяться концом хвоста.
Сел на ляжечки
и вот
Симе лапу подает.
„Спасибо
от всей щенячьей души!
Люби бедняков,
богатых круши!
Узнается из конфет,
добрый мальчик,
или нет.
Животные домашние
тебе
друзья всегдашние“.

Замолчал щенок,
и тут
появляется верблюд.
Зад широкий,
морда уже,
весь из шерсти из верблюжьей.
„Я
рабочий честный скот,
вот штаны,
и куртка вот!
Чтобы их тебе принести,
сам
на брюхе
выстриг шерсть.
А потом пришел рабочий,
взял с собою
шерсти клочья;
чтобы шерсть была тонка,
день работал у станка“.

За верблюдиной баранчик
преподносит барабанчик
собственного пузыря.
„Барабаньте чуть зоря!“
А ближайший красный мак,
цветший, как советский флаг,
не подавши даже голоса
сам
на Симу прикололся.
У зверей
восторг на морде —
„Это
Симе
красный орден“.

Смех всеобщий пять минут.
В это время,
тут как тут,
шла четверка
из ребят
развеселых октябрят.
Ходят час,
не могут стать.
—Где нам пятого достать?
Как бы нам помножиться?—
Обернули рожицы.
Тут фигура Симины.
—Вот кто нужен именно!—
Храбрый,
добрый,
сильный,
смелый:
видно—красный,
а не белый,

И без всяких разногласий
обратился к Симе Вася:
—„Заживем пятеркой братской,
звездочкою октябрятской?“

Вася,
Вера,
Оля,
Ваня
с Симой ходят барабана.
Щенник,
радостью пылая,
впереди несется лая.
Перед ними
автобусы
рассыпаются, как бусы.
Вся милиция
как есть,
отдает отряду честь.

5

Сказка сказкою,
а Петя
едет, как письмо в пакете.
Ехал долго он, и еле
был доставлен в две недели.
Почтальон промеж бумажками
сунул в сумку вверх тормашками.
Поработав три часа,
начал путать адреса.
Сдал, разиня из разинь,
не домой, а в магазин.

Петя,
скинешь от поста,
распечатайся и встал.
Петя
плоский, как рубль.
Он уже не шар,
а блин.
Воскресенье, —
в лавке пусто.
Петя
вмиг приходит в чувство.
И, взглянув на продовольствие,
расплывается от удовольствия.

Рот раскрыл,
слюна на нем.

— Ну, сказал, —
с чего начнем? —

Запустил в конфеты горети
и отправил в рот для скорости.
Ел он, ел,
и еле-еле

все прикончил карамели.
Петя, переевши сласть,
начал в пасть закуски класть.
И сожрал по сей причине
все колбасы и ветчины.

Худобы в помине нет,
весь напился,
как ранет.

Все консервы Петя ловкий
скушал вместе с упаковкой.
Все глотает, не жуя:
аппетит у буржуя!

Без усилий
и без боли
с'ел четыре пуда соли.
Так наелся,
что не мог
устоять на паре ног.
Петя думает:
—Ну, что же?
Дальше
буду
кушать лежа.—
Нет еды,
но он не сыт,
слопал гири и весы.

Видано ли это в мире,
чтоб ребенок
лопал гири?!
Петя—
жадности образчик;
гири хрустнули,
как хрящик.
Пузу отдыха не дав,
вгрызся он в железный шкаф.
Шкаф сжевал
и новый ищет...
Вздулся вербной свиницей.

С аппетитом сладу нет.
Взял
губой
велосипед,—
с'ел колеса,
ест педали....
Тут их только и видали!

Но не сладил Петя бедный
с шиною велосипедной.
С грустью
объявляю вам:
Петя
лопнул пополам.

Дом
в минуту
с места срыв,
загремел ужасный взрыв.
Люди прыгают дрожа.
Это, думают, пожар.
От велика до мала
все звонят в колокола.
Все в сигналах каланча,
все насосы волочат.
Подымая тучи пыли,
носятся автомобили.
Кони десяти мастей.
Сбор пожарных всех частей.
Впереди
на видном месте
векачь несется
сам брандмейстер.

6

Сказка сказкою,
а Сима
ходит городом
и мимо.
Вместе с Симою в ряд
весь отряд октябрят.

Все живут в отряде дружно,—
каждый делает, что нужно,—
как товарищ,

если туга,

каждый

выручит друг друга.

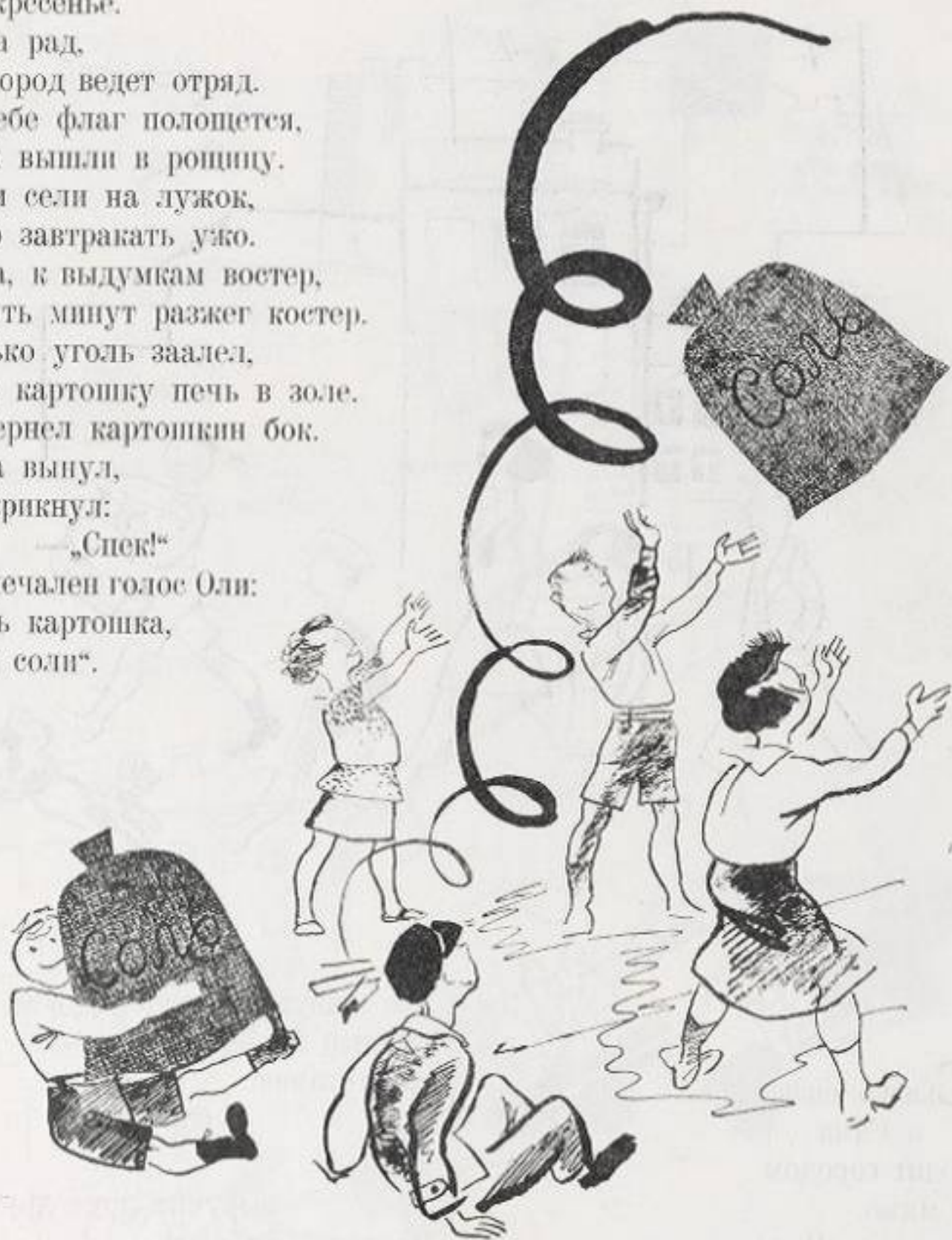
Радуетя публика—
детская республика.

Воскресенье.

Сима рад,
за город ведет отряд.
В небе флаг полощется,
дети вышли в рощицу.
Дети сели на лужок,
надо завтракать ужо.
Сима, к выдумкам востер,
в пять минут разжег костер.
Только уголь заалел,
стал картошку печь в золе.
Почернел картошкин бок.
Сима вынул,
крикнул:

— „Спек!“

Но печален голос Оли:
„Есть картошка,
нету соли“.

Вслед за солью
с неба
градом
монпансье
с доставкой на дом.
Льет и сыплет,
к общей радости,
булки всякие
и сладости.
Смех средь маленького люда:
„Вот так чудо!
чудо-юдо!“

— Нет,
не чудо это, дети,—
а из лопнувшего Пети.
Все, что лопал Петя толстый,
рассыпается на вереты.
Ливнем льет

и валит валом
так беднягу разорвало.
Масса хлеба,

сласти масса —

и сосиски,
и колбасы!
Сели дети,
и отряд
е'ел с восторгом все под ряд.
Пир горою и щенку:
е'еет,

и вновь набьет щеку—
кожицею от колбаски.
Кончен пир,—
Конец и сказке.

Сказка сказкою,
а вы вот
сделайте из сказки вывод:
Полюбите, дети, труд—
как написано тут.
Защищайте
всех, кто слаб,
от буржуевых лап.
Вот и вырастете—
истыми
силачами-коммунистами.

Ронни

76

Цена 75 коп.

